

УДК 37(520)

А.Н. ХАРСА

Традиции в современной системе образования Японии

В статье рассматривается образование в Японии в качестве широкого поля реализации национальной традиции. Автор показывает, что сформировавшаяся под влиянием буддистских и конфуцианских идей в раннем Средневековье традиция оказала влияние как на формальную, так и на содержательную сторону современной японской системы образования.

Ключевые слова: *традиция, коллективизм, конфуцианство, буддизм, образование, социализация, моральное воспитание.*

Для японского общества характерно бережное отношение к традиции как к сохранению и передаче социокультурного наследия предков. Из всех высокоразвитых стран мира Япония самая традиционная. Существует несколько причин такого отношения японцев к обычаям своих предков. Островное положение, способствовавшее замкнутому укладу жизни; устойчивая ритмичность жизни сельскохозяйственной общины; необходимость экономить из-за скудности ресурсов – все вместе это укрепляло консервацию традиционных устоев. До сих пор, несмотря на модернизацию, развитие информационных технологий, активную ориентацию на ценности Западного мира, японское общество все же остается верным национальным традициям.

Сложно описать современное японское общество, не отметив коллективизма (группизма). Закрепилась приверженность японцев к группе благодаря конфуцианскому принципу построения социума, где отдельный человек – член определенной семьи, а государь – отец всего народа. Отношения в государстве копируют отношения между членами семьи: между патриархом и детьми. Современное японское общество также состоит из групп, выстроенных по иерархическому принципу. Каждая из таких групп напоминает семью, в которой младшие почитают старших, а внутренние отношения и внутригрупповые правила всегда приоритетны.

Первые правила конформного общежития ребенок осваивает в семье – первом для него коллективе, и затем на протяжении всей жизни он будет принадлежать к различным группам. Принадлежность к группе его не тяготит, а наоборот, требует стремления к тому, чтобы вписаться в распорядок. Только внутри коллектива японец обретает психологический комфорт и уверенность в завтрашнем дне. «Как и много лет назад, для японца стать членом действующей группы – значит прикоснуться к вечности и оставить в ней свой след» [1, с. 138–139].

Привязанность жизни каждого японца к коллективу, к подчинению своих личных интересов интересам группы как характеристика традиционного японского общества, не потерявшая с течением времени своей актуальности, – это внеэкономическая регуляция социальных отношений, основанная на чувстве долга.

Чувство долга – *гири* – в Японии стало цементирующей моральной основой общества. Под этой категорией японцы понимают и чувство благодарности, и ритуал выполнения обязательства, и обязанность «оплатить» долг. *Гири* – это «осознание необходимости исполнять то, что предписывает моральный кодекс, а следовательно, обязанность идти по пути добродетели, делать добро другим, не допускать порочности в себе, противостоять злу» [2, с. 153].

Все перечисленное – характеристики семейных отношений, особенности социального взаимодействия, внеэкономическая регуляция поведения людей в обществе – показывает, что западная общественная эмансипация разбивается о традиционное

мировосприятие японцев. Традиция не только не мешает цивилизационному развитию, но и способствует ему. «Феномен современной Японии был бы невозможен без своеобразных, удивительно отстроенных и устойчивых отношений и ценностных установок, связывающих людей, поколения, кланы и группы. Многовековая традиция общественного бытия оказалась той основой, которая обеспечила прогрессу небывалые темпы и результаты и придала оттенок национальной уникальности» [3, с. 91].

Образование в Японии как неотъемлемая часть социализации, освоения определенной социальной роли, принятия установленных в социуме правил, настолько тесно связано с традицией (и в узком значении социального уклада, и в широком, ментальном понимании), что ее можно назвать системообразующим фактором. Поэтому можно говорить об образовании как о широком поле реализации традиции.

Японское общество всегда относилось к образованию как к безусловному благу. «Япония вышла на передовые позиции среди стран мира благодаря своему пониманию значимости борьбы с неграмотностью и живет под воздействием обаяния магического слова "культура"» [4, с. 209–210].

В раннем Средневековье образование в Японии начиналось с постижения письменности, пришедшей из Китая. Распространение китайских знаний способствовало, с одной стороны, усилению централизации в экономической сфере, а с другой стороны – построению государственного аппарата.

Значение грамотности и образования в целом для японского общества очень возросло после того, как в Японию пришли буддизм и конфуцианство. Образец культурного величия – Китай с его стройной политической иерархией, построенной на конфуцианской этике, а также буддистская идея перерождения стали стимулом и для японцев к развитию собственных общественных институтов, в том числе и системы образования.

Первое зафиксированное летописями учебное заведение Японии было учреждено в эпоху Нара в годы правления императора Тэндзи (662–671 гг.) и носило название *дайгакурё*, что дословно означает «Управление Великого Учения». Последующие императоры также учреждали при своем дворе учебные заведения, в которых преподавалось конфуцианство. Такие заведения готовили квалифицированных чиновников для системы государственного управления. Вместе с конфуцианской этикой там изучались фонетическое чтение и китайская письменность, математика. Однако такие предметы были второстепенными по отношению к конфуцианскому учению. Как пишет известный исследователь истории японского образования А.Ф. Прасол, «вначале конфуцианское образование рассматривалось как неперемное условие для назначения на государственную должность, но со временем превратилось в атрибут любого образованного аристократа, независимо от его стремления к карьере чиновника» [5, с. 27]. В целом образование того времени было централизованным конфуцианским образованием, являвшимся частью государственного управленческого аппарата.

Одновременно зарождается частный сектор японского образования, тесно связанный с распространением буддизма. Стали возникать домашние буддистские школы. Основатель одной из них – Ку:кай (774–835 гг. н.э.) критиковал навязывание конфуцианства в государственных школах, считая, что необходимо изучать и другие религиозно-философские концепции – синтоизм и буддизм. В уставе его школы говорилось о порочности ограничений на образование для низших сословий и необходимости создания сети общедоступных альтернативных школ. Под воздействием буддистских идей такие школы стали появляться [5, с. 90].

Таким образом, уже в начале второго тысячелетия в Японии складываются параллельные образовательные системы – государственная и частная. Эта традиция продолжается и сегодня в виде системы школьного общего образования в государственном секторе и частных репетиционных школ – *дзюку*.

Обучение в *дзюку* – платное. Посещая *дзюку*, японские школьники или закрепляют, или «догоняют» изученный в основной школе учебный материал. Также в *дзюку* подготавливают старших школьников к сдаче выпускных и вступительных экзаменов в вузы. В отличие от государственных школ, где в каждом классе обучается до 40 человек, в классах *дзюку* всего по 4–5 учащихся, что обеспечивает почти индивидуальный подход к каждому из учеников, который невозможен в обыкновенной школе.

Заметим, что в Японии идеи буддизма и конфуцианства тесно переплелись в своей просветительской роли. Их влияние заложило содержательную и методическую основу образования в раннем Средневековье, во многом сохранившуюся и в современности. Самодисциплина, настойчивость, целеустремленность, ограничение желаний – все то, что было перенесено из буддизма в современное образование; идеи конфуцианства легли в основу системы морального воспитания *до:току*.

Общее образование начиная с XII в. получило широкое распространение благодаря буддийским храмовым школам. Обучение в них имело светский характер: буддийская религиозная литература изучалась только на первом году (из трех) вместе с азами письменности. Второй год обучения был посвящен изучению китайской классической литературы. Буддийские заповеди и моральные установки конфуцианства друг другу не противоречили, а дополняли друг друга.

Моральные наставления являлись дидактическим материалом и в общинных школах *теракоя*, в которых обучались основам грамотности представители низших сословий и дети малообеспеченных самураев. Так, на значение нравственного воспитания указывал Соко Ямага – конфуцианский просветитель XVII в.: «Одно только знание грамоты еще не служит делу улучшения общественной нравственности, ибо опирается только на то, что записано в учебнике письма» (цит. по: [5, с. 201]). Этические нормы, устанавливаемые в учебниках той эпохи, актуальны и для современной системы образования.

Стали возникать *ханко* – конфуцианские школы для детей самураев при княжеских администрациях в провинциях, которые, как правило, возглавлялись конфуцианскими учеными. На территории школы в обязательном порядке устанавливались конфуцианские святилища, где проходили соответствующие ритуалы. В качестве учебников чаще всего выступали классические труды Конфуция.

Одной из основ конфуцианского учения было беспрекословное подчинение учителям, почтение и послушание родителям. «... Сыновняя почтительность и послушание старшим – не в них ли коренится человечность?» – читаем мы в *Лунь Юй* [6, с. 15]. В современной японской школе послушание старшим отражается не только в отношениях учеников к своему учителю, чей авторитет и в конкретном классе и в обществе в целом велик, но и в среде учеников, где существует иерархия и так называемая система отношений *сэмпай-кохай* (старший–младший).

«Почтительность вне ритуала утомляет, а осторожность вне его ведет к трусости; при смелости вне ритуала поднимают смуту, от прямоты вне ритуала становятся нетерпимы» [6, с. 62]. «Если править с помощью закона, улаживать наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживая по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность» [6, с. 20], – говорил Конфуций, наделяя ритуал огромным значением. Ритуалами пронизана вся социальная

жизнь и современных японцев, в том числе ритуализирована жизнь и в учебных заведениях, начиная с процедуры утреннего приветствия, организации питания школьников и уборки классов и заканчивая торжественной процедурой вручения дипломов об окончании школы или университета. Даже неформальное общение учеников с преподавателем строится на жестко регламентированных правилах, с применением установленных для подобного случая лексических формул и движений (поклонов).

«Не радостно ль учиться и постоянно добиваться совершенства?» [6, с. 15] – спрашивал Конфуций, и современное японское общество отвечает ему созданием условий для образования на протяжении всей жизни. Сегодня в рамках этой концепции организуются краткосрочные курсы, лектории, семинары для людей самого разного возраста и создаются разного рода учебные программы. Многовариантность форм такого образования подстраивается под изменяющиеся социально-экономические условия в стране. Так, государственные служащие после поступления на работу обязаны продолжать совершенствовать свои знания. Ежегодно примерно каждый восьмой-девятый проходит курсы повышения квалификации, а также регулярно проходит зарубежные стажировки сроком на 2 года или 6 месяцев.

Со второй половины XIX в. до 1945 г. проходило формирование национальной общегосударственной системы образования, отвечающей потребностям нового, капиталистического общества. Это был очень сложный период для Японии в целом.

Экономическая и военно-техническая отсталость Японии, ставшая очевидной после открытия страны, воспринималась в обществе как большое унижение. Японцы «увидели в этом вызов истории и приняли его» [7]. Их ответом явилась широкая образовательная программа правительства. Было введено обязательное шестилетнее образование, соответствующее потребностям нового времени. К 1908 г. школу посещали уже 97,4 % детей школьного возраста. (Для сравнения, в России того же периода только 30 % детей регулярно обучались в школе.) Результатом реформирования системы образования стали высокие темпы индустриализации экономики и модернизации жизни общества в целом.

При этом перемены произошли отнюдь не ценой утраты собственной культурной идентичности: девизом эпохи стал лозунг «вакон-ёсай» – «японский дух, западные знания». При широком восприятии западного знания в идеологической сфере японское правительство строго придерживалось традиционных конфуцианских установок: преданности и верности, почитанию старших. А.Ф. Прасол подчеркивает, что «в том, что к началу 20 века Японии за сравнительно короткий срок удалось наверстать упущенное и модернизировать не только систему образования, но и другие общественные институты, есть определенная заслуга предшествующей эпохи... Привычка к дисциплине, подчинению снизу доверху и точному выполнению распоряжений, насаждаемая в центре и на местах, жесткое сословное деление и другие черты феодального японского общества способствовали его превращению в управляемое орудие социальных реформ... Общество, сформировавшееся в Японии к началу Мэйдзи, было хорошо приспособлено для решения простых и ясных задач наподобие «догнать и перегнать», когда цель поставлена, и остается только сделать все возможное и невозможное для ее достижения» [8, с. 305].

После Второй мировой войны национальная система образования была подвергнута ревизии. На ее место пришла новая система, по своим внешним признакам – структуре и формам – похожая на американскую систему образования. По содержанию же японская современная школа осталась весьма самобытной: она по-прежнему культивирует национальный дух, формирует у своих воспитанников конфуцианские нормы

морали (почитание старших, преданность коллективу, трудолюбие и прилежание и др.), поддерживает жизнеспособность национальной художественной традиции и сохранение этикета в повседневной жизни школьников, т.е. все то, что представляло содержание обучения еще до реставрации Мэйзиди.

Как и прежде, в современном японском обществе образование определяет социальный статус человека. Пройденный курс обучения означает принадлежность к определенной социальной группе. Это аналогично принадлежности к какому-либо общественному классу, с той разницей, что отнесение к классу совпадает с моментом биологического рождения, а принадлежность к группе зависит от учебного заведения, это «социальное рождение» возникает при поступлении в него, т.е. происходит позже. Уже отдавая ребенка в детский сад, родители думают о его будущем, фактически решают его судьбу, поскольку то, какое учебное заведение окончил японец, играет большую роль во всей его дальнейшей жизни» [9, с. 210].

Стремление к более высокому социальному положению – одна из характерных черт японского менталитета. И, окончив престижный вуз, многие японцы в качестве карьерной лестницы выбирают государственную службу. Путь к назначению на желаемую должность лежит через процедуру экзаменов.

В современных японских школах большое внимание уделяется воспитательной составляющей образовательного процесса. Японская школа всегда ориентировалась на народную мудрость, которая гласит: «Намного лучше быть хорошим человеком, чем ученым».

В средневековой Японии обучение проходило по текстам морально-дидактического характера, поэтому воспитание в учебных заведениях Японии вплоть до окончания Второй мировой войны являлось не столько самоцелью, сколько содержанием общего образования. Помимо этого, с XVIII в. в начальных общинных школах *теракоя* начинают вводиться лекции-проповеди на темы морали. Тогда же закрепляется нравственное воспитание как отдельный предмет, посвященный в основном изучению и закреплению установленных правил поведения соответствующего сословия.

В наши дни воспитательная составляющая образования реализуется в том числе и с помощью *до:току кё:ику* – «Морального воспитания». Это конвейер по «производству», т.е. воспитанию среднестатистического японца, обладающего определенным набором качеств, необходимых японскому обществу, а именно: социальная конформность, ориентация на строгое соблюдение установленных в обществе норм и законов.

Еще одной традиционной особенностью японской системы образования является статус учителя. Так, в своде дисциплинарных предписаний для учеников *теракоя* указывалось: «Следуй за учителем на два метра сзади и не наступай на его тень. Каждая буква, которую ты знаешь, – его заслуга. Никогда не возражай учителю или родителям. Слушай все, что они говорят, и ищи совета, дабы мог ты тверже ступать по пути Человека» (цит. по: [5, с. 202]).

В отличие от Китая, где степень доверия к источнику информации зависела от истинности учения, в Японии, наоборот, верность своему учителю считалась главным критерием истинности. Так как сопоставление содержания китайских оригинальных текстов и их толкования в средневековой Японии не проводились, а к указанным текстам каждый из ученых кланов писал свои комментарии и дополнения, то впоследствии каждый из кланов засекречивал эти материалы. Знание ученики получали изустно, от Учителя – представителя ученого клана, в то время как оригинальные тексты можно было только прочесть, не всегда полностью поняв их содержание. Отсюда полное доверие японцев к устной информации, полученной от Учителя.

Таким образом, современная система образования в Японии несет в себе характеристики, сложившиеся еще в средневековом обществе и оказавшие влияние как на содержательную сторону образования, так и на методологию, межличностные отношения субъектов в этой сфере социальной жизни.

Библиографический список

1. *Прасол А. Ф.* Япония: лики времени. Менталитет и традиции в современном интерьере. М.: Наталис, 2011. 416 с.
2. *Сосновская Е. А.* Категория долга в японской культуре // Перспективы исторического и культурологического образования в вузе и школе: Теория и практика: М-лы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию исторического факультета (ИИГСО) НГПУ. Новосибирск: НГПУ, 2006. С. 153–156.
3. *Нурутдинова А. Р.* Феномен «японского чуда»: преемственность традиций // Педагогика. 2008. № 4. С. 91–100.
4. *Елисеефф В., Елисеефф Д.* Японская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория. М.: АСТ Москва, 2008. 528 с.
5. *Прасол А. Ф.* Становление образования в Японии. Владивосток: Дальнаука, 2001. 391 с.
6. *Конфуций.* Лунь Юй: изречения. М.: Эксмо, 2009. 400 с.
7. *Скворцова Е. Л.* Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 52–64.
8. *Прасол А. Ф.* Японское образование в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Владивосток: Дальнаука, 2002. 358 с.
9. *Тихоцкая И. С.* Структурный кризис в системе образования Японии // Япония 90-х: кризис системы или временные сбои? / Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 1998. С. 200–230.

Kharsa A. N. **Tradition in Modern Education of Japan.** The article discusses education in Japan as a wide-field implementation of a national tradition. The author shows how to form under the influence of Buddhist and Confucian ideas in the early medieval tradition has influenced, both formal and on the content side of modern Japanese education system.

Key words: *tradition, collectivism, Confucianism, Buddhism, education, socialization, moral education.*

Харса Анна Николаевна – методист Института ФСБ России (г. Новосибирск), аспирант кафедры «Философия и культурология» СГУПС. Область научных интересов: социальная философия, культурология, культура Японии. E-mail: a_kisiaya@yahoo.com